

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813 — 1869.

Письма Даргомыжскаго въ Вл. Георг. Кастріото-Скандербеку.¹⁾

С.-Петербургъ, 5-го декабря 1845 г.²⁾

(Переводъ). Дорогой, любезный другъ Кастріотъ, два извѣстія одинаково удивили и обрадовали меня: твое возвращеніе въ Россію и предстоящая женитьба. Нечего мнѣ повторять тебѣ, что ты у меня одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ я люблю болѣе всего на свѣтѣ. Значить, ты долженъ быть увѣренъ, любезный другъ, что я живо интересуюсь всѣмъ, что до тебя касается. Если ты помнишь наши ночные разговоры въ Вѣнѣ и мои доводы касательно управленія твоихъ имѣній и твоего образа жизни въ деревнѣ, доводы, которые ты часто оспаривалъ, иной разъ даже вопреки своему доброму сердцу,—ты не усомнишься въ томъ, что я узналъ про твою женитьбу съ особенною радостью. Я знаю твое доброе, чувствительное и въ особенности любящее сердце: это все ручается въ счастіи твоей супруги и твоемъ собственномъ. Я часто говорилъ тебѣ, что для того, чтобъ постигнуть божество, искусство и женщину, надо любить ихъ. Изъ письма твоего къ ма-тушкѣ я вижу, что у тебя осталось еще много той поэтической экзальтаци, которую я такъ люблю встрѣчать, но которая рано

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 339—358.

²⁾ Все это письмо писано по-французски.

В. С.

или поздно слабѣтъ и исчезаетъ подѣ вліяніемъ дѣйствительности. Если ты способенъ, любезный другъ, хоть нѣсколько придти въ себя, то очень меня одолжишь, сообщивъ мнѣ положительныя подробности о томъ, что было съ тобою послѣ нашей разлуки въ Вѣнѣ? По какой причинѣ ты такъ поспѣшно возвратился въ Россію? гдѣ ты познакомился съ мадмуазель Коньяръ и что ты намѣренъ предпринять послѣ свадьбы? Вотъ вопросы, до безконечности меня интересующіе; вѣдь ты знаешь, какъ я радъ буду встрѣтить тебя гдѣ бы то ни было. Во всякомъ случаѣ, я уже въ восхищеніи отъ того, что ты у насъ на родинѣ. И такъ, я поздравляю тебя отъ души, любезный Кастріотъ, и прошу тебя рекомендовать меня твоей невѣстѣ такимъ, какимъ ты меня знаешь, т. е. какъ одного изъ твоихъ добрыхъ пріятелей. О музыкѣ я и не сказалъ тебѣ ничего: въ головѣ у меня большой проектъ, я поговорю о немъ съ тобою, когда осуществится твой, гораздо важнѣе моего. Прощай же, милый другъ. Матушкѣ моей это время немного нездоровится. Она дружески тебѣ напишетъ и сама тебя поздравитъ письмомъ, только что поправится. Весь твой Александръ Д.

25-го апрѣля (1848).

....Посылаю тебѣ съ сею же почтою душу твою и экземпляръ альбома съ карикатурами; до сихъ поръ онъ идетъ плохо и мы въ убыткѣ.

Ежели Глинка у тебя въ деревнѣ, то обними его отъ меня и скажи, что несмотря на то, что онъ не пишетъ ко мнѣ и оказываетъ ко мнѣ нерасположеніе, я все также принимаю участіе въ его твореніяхъ, и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ проигрываю всѣмъ, кто ни бываетъ у меня, его музыкальныя очерки, изъ коихъ особенно нравится мнѣ: «Souvenir d'une mazurque»,¹⁾ Глинка человекъ—какъ и всѣ мы грѣшныя, а талантъ онъ, въ глазахъ моихъ, зѣло великій. Кстати скажи ему, что Одеонъ объявилъ мнѣ, будто всѣ экземпляры «Руслана и Людмилы» взяты издателемъ обратно, то я прошу Глинку, чтобы онъ научилъ меня, гдѣ я могу достать все, что есть напечатаннаго изъ его оперы, и пожалуйста увѣдоми меня о семъ.

¹⁾ Глинка сочинилъ «Souvenir d'une mazurka» осенью 1847 года, въ Смоленскѣ. (См. Записки М. И. Глинки, изд. «Русской Стариной», стр. 165)

За симъ, что бы мнѣ сказать тебѣ новенькаго? Великій постъ здѣсь прошелъ ужасно музыкально. Всѣ съ ума сходили на томъ, чтобы дѣлать музыкальные вечера. Было ихъ много, а толку въ нихъ мало.

Ну что твои музыкальныя занятія? Если бы я былъ чело-вѣкъ одинокій, то пріѣхалъ бы въ тебѣ въ деревню повидаться съ тобой и съ Глинкой.

На будущую зиму я буду ждать тебя сюда. Я можетъ быть здѣсь буду ставить своихъ «Вакхановъ» на сцену, и мы бы съ тобой вмѣстѣ позанились музыкой. Я здѣсь живу въ страшномъ одиночествѣ; въ большой свѣтъ ѣзжу много, а людей по себѣ не встрѣчаю. Поэты и художники вывелись отъ глухыхъ жур-налистовъ, какъ тараканы отъ мыпьяку. Живопись еще кое-какъ плетется, да намъ съ нею нечего дѣлать; а музыканты здѣсь такъ плохи, что мнѣ кажется я изъ лучшихъ.

Затѣмъ прощай, другъ Кастріотъ. Будь здоровъ и не забывай преданнаго Даргомыжскаго.

С.-Петербургъ, 30-го сентября (1848).

Я давно не писалъ въ тебѣ, любезный другъ и собратъ по музыкѣ. Это, впрочемъ, не есть доказательство, чтобы не вспо-минать о тебѣ. Весьма одолжишь меня, если откликнешься на письмо мое и скажешь словечко о томъ, здоровъ-ли ты и твои, что подѣлывалъ лѣтомъ и собираешься-ли, по обѣщанію, сдѣ-лать визитъ нашей столицѣ?

Имѣешь-ли ты какое-нибудь извѣстіе о Глинкѣ? Я знаю только, что онъ все еще живетъ въ Варшавѣ, но пишетъ-ли? вотъ глав-ный пунктъ. Я считаю произведенія его весьма важными, не только для русской, но даже вообще для всякой музыки. Все, что ни выходитъ изъ-подъ пера его—ново и интересно. За то сколько онъ отнял у насъ. Публика хочетъ всѣхъ мѣрить на его аршинъ, отъ этого и мудрено намъ выдерживать. Недавно здѣсь давали оперу Львова: «Ундину»¹⁾. Трудъ большой, много есть и хорошихъ мелодій, а публика морщится. Вникая въ при-чины, видишь одно: сравненіе портить все дѣло.

¹⁾ «Ундина» дана въ первый разъ 30-го сентября 1848 г.; такимъ образомъ на-стоящее письмо окончено нѣсколькими днями позже числа, обозначеннаго въ подлинникѣ, въ началѣ его.

Ты вѣрно интересуешься знать отчасти, что я подѣлываю? Пишу, братецъ, все пишу. Меня публика отучила только издавать свои сочиненія, а писать до сихъ поръ не можетъ отучить; лѣтомъ писалъ я балетъ въ оперѣ, что я выкроилъ изъ Пушкина оды: «Торжество Вахха», а теперь принимаюсь за «Русалку», изъ коей я тебѣ уже игралъ нѣкоторые нумера. Что меня мучаетъ—это либретто: вообрази, что я самъ плету стихи. Поэты у насъ все гении: ни одного нѣтъ просто съ талантомъ, какъ ты да я; и съ ними ладу никакого нѣтъ; смотрятъ на тебѣ съ высоты-высотъ и презираютъ. Очень бы желалъ видѣть тебѣ сію зиму въ Петербургѣ; я-было хотѣлъ ѣхать въ Москву ставить «Торжество Вахха», но дирекція не желаетъ на сей годъ моихъ услугъ. Прощай, обнимаю тебя отъ всей души. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 1-го ноября (1850).

Во исполненіе желанія твоего, любезный другъ Кастріотъ, передалъ я твои рукописи Гензельту; но все-таки совѣтую тебѣ написать ему словечко о нихъ. Ты знаешь, Гензельтъ—артистъ разсѣянный и рукописи могутъ у него залежаться; я радъ, что ты продолжаешь заниматься музыкой. Работай усерднѣе покуда здоровъ: я на опыгѣ начинаю узнавать, что болѣзни и недуги вдругъ нагрянутъ на человѣка, и хотя не могутъ уничтожить въ немъ силы творческой, но непрерывно останавливаютъ его въ трудѣ исполнительномъ. Со мною, на примѣръ, не бываетъ двухъ недѣль сряду, чтобы физическая боль не отвлекала меня отъ работъ. Задумаешь въ мгновение, создашь въ утро, а обработка и изложеніе должны ждать здоровыхъ часовъ, которые стали рѣдки.

Выдумва твоя писать драматическія кантаты съ квартетомъ и оригинальна и занимательна. Но мнѣ кажется, что не худо бы въ квартету присоединить и фортепьяно, которыя могутъ въ этомъ случаѣ разыгрывать роль духовыхъ инструментовъ. Такъ что, прибавивъ къ квартету контрабасъ, кантата твоя аккомпанируется маленькимъ оркестрикомъ. А чисто квартетный аккомпаниментъ, какъ онъ ни интересенъ, не можетъ быть достаточно удовлетворителенъ для музыки драматической, которая всегда требуетъ болѣе или менѣе энергии. Все, что я пишу тебѣ, любезный другъ, есть только одно мое воззрѣніе на предметъ, но я

никакъ не выставляю мнѣнія своего непреложнымъ закономъ. Я помню, что мы когда-то игравали симфоніи Бетговена, переложенныя для двойного квартета и фортепьяно въ 4 руки; и это выходило очень недурно.

Я теперь живу здѣсь въ страшномъ уединеніи, и предвижу, что проведу въ немъ всю зиму. Глинка сюда не будетъ. Моношкѣ я самъ по чистой совѣсти совѣтовалъ не пріѣзжать, онъ человѣкъ недостаточный, а Петербургъ пожираетъ деньги. Ты вѣроятно тоже не пріѣдешь; а здѣсь, изъ русскихъ музыкантовъ, одинъ только Ласковскій, но и тотъ такъ занятъ службой, что рѣдко съ нимъ видимся. Итальянская опера довольно въ жалкомъ положеніи. Правда, что Персіани оконченная пѣвица, Тамбурини и Маріо тоже удовлетворительны; но ты знаешь, что для нашего брата нужна музыка, а не пѣвцы. А въ нынѣшнемъ году только и будетъ интереснаго опера Моцарта: «Le pozze di Figaro». Хотя она по-мѣму и ниже «Волшебной флейты» и «Донъ Жуана», но ее такъ рѣдко слышишь, что душа заранѣе радуется ей.

Сестра моя¹⁾ принялась снова за арфу: напиши-ка намъ романсъ для тенора съ арфой, мы будемъ распѣвать его за твое здоровье. Я недавно заставлялъ Билибину пѣть твою каватину: «Есть тихая роща». Я люблю ее и увѣренъ, что если бы она не была такъ длинна и трудна въ акомпаниментѣ, она бы пѣлась повсемѣстно. Рубинштейнъ кончилъ свою оперу, но я еще не слыхалъ ее. Изданные Бернаромъ его 12 романсовъ не поются, хотя одинъ изъ нихъ для меня очень хорошъ, а другіе два недурны. Но публика наша, сколько сама слаба въ музыкѣ, столько и строга къ композиціямъ. Въ послѣднее время я ввелъ здѣсь хорвое пѣніе безъ акомпанимента. Это очень насъ забавляетъ. Начни я съ серьезной музыки, мнѣ бы показали купипшъ, а я началъ съ пустяковъ, и пошло какъ по маслу.

С.-Петербургъ, 24-го февраля 1852 г.²⁾

(Переводъ). Твое письмо, любезный Кастріотъ, чрезвычайно меня порадовало, какъ тѣмъ, что ты помнишь меня, такъ и извѣстіемъ, что ты вѣренъ служенію музамъ. Я промедлилъ отвѣтомъ

¹⁾ Эрминія, игравшая отлично на арфѣ.

²⁾ Письмо это писано по-французски.

нѣсколько дней, потому что потеря нашей доброй матушки, вромѣ огорченія, повлекла за собою много хлопотъ и дѣлъ, которыхъ при жизни ея у меня не было. Мы еще не выѣзжали изъ нашей квартиры, оттого что трудно въ зимнее время найти другую подходящую; но въ маѣ или юнѣ мы ее оставимъ, чтобъ избѣжать печальныхъ воспоминаній. Мы постараемся помѣститься все въ одномъ домѣ съ Степановыми, что будетъ особенно полезно и пріятно для Эрминіи.

Глинка проводитъ зиму въ Петербургѣ. Въ началѣ сезона онъ былъ довольно здоровъ и въ самомъ чудесномъ расположеніи духа; но кончаетъ онъ дурно: здоровье его разстроилось пуще прежняго, а расположеніе духа у него, какъ тебѣ извѣстно, всегда въ связи со здоровьемъ. По временамъ у него понемногу занимаются музыкою. Онъ съ удовольствіемъ слушаетъ Глюка и Керубини, а прочими композиторами мало интересуется. Я люблю его все по прежнему, но, что касается искусства, я уже не нашелъ въ немъ того мастера-художника, по воображенію и чувству, который былъ прежде такимъ славнымъ совѣтникомъ. Это жаль, потому что съ его превосходнымъ талантомъ, повончѣ свое художественное поприще, все-таки можно быть полезнымъ, какъ критикъ. Впрочемъ надобно приписать физическому разстройству странность (bizarrerie) и особенно переменчивость его мнѣній.

• Ты хочешь знать, любезный другъ, какъ произошла исторія съ моей оперой «Эсмеральдой» въ Петербургѣ? Ее могли дать всего только три раза, потому что prima donna перешла уже во вторую половину своей беременности, а это вовсе не согласовалось съ идеальной невинностью живой цыганки. Такъ какъ здѣшнее общество глубоко презираетъ русскую оперу, то слушателей и любопытныхъ собралось очень немного. Но за то эти немногие такъ явно, такъ искренно и такъ лестно обнаружили мнѣ свое удовольствіе, что самые шарлатаны изъ такъ-называемыхъ знатоковъ ушли съ половины представленія, подъ тѣмъ предлогомъ, что исполненіе въ такой степени дурно, что, несмотря на достоинство сочиненія, нѣтъ силъ дослушать до конца. Одинъ изъ этихъ господъ сообщилъ мнѣ эту причину на другой день, въ письмѣ, извиняясь, что уѣхалъ послѣ второго дѣйствія. Что касается лучшихъ и истинныхъ артистовъ, какъ Гейзельтъ,

Ласковскій, Тамбурины и другіе любители искусства, то они остались до конца; многіе пришли послушать мою оперу во второй и третій разъ и всё любезно отдали справедливость моему музыкѣ. Особенно Мауреръ, этотъ бесспорно лучший знатокъ въ Петербургѣ, три раза прослушавшій мою оперу, тронулъ меня слѣдующими словами: «Я старъ и откровененъ, г. Даргомыжскій, потому что мнѣ больше нѣтъ надобности кому бы то ни было льстить; такъ я вамъ скажу напрямки, что для нынѣшняго времени ваше произведеніе слишкомъ хорошо». Изъ этого ты видишь, дорогой Кастриотъ, что я, какъ художникъ, доволенъ, но, какъ членъ петербургскаго общества, сожалью, что музыкальное искусство такъ упало у насъ. Ты себя представить не можешь, что за сочиненія имѣютъ здѣсь успѣхъ: цыганскія арии, да польки самаго пошлаго свойства. На итальянской сценѣ ставить Верди и Алари: все общія мѣста, приправленные страшнѣйшимъ шумомъ.

Пора бы тебѣ, любезный другъ, навѣстить насъ еще разъ. Тѣ зимы, что ты проводишь здѣсь, были всегда оживленнѣе прочихъ, въ отношеніи музыкальномъ. Прощай, до свиданья, цѣлую тебя отъ всей души. Даргомыжскій.

P. S. Я съ удовольствіемъ узнаю, что ты не безъ дѣла сидишь въ деревнѣ; и мнѣ, конечно, пріятно было бы пробѣжать твои новыя произведенія, но вдвое было бы пріятнѣе, еслибъ ты пріѣхалъ самъ мнѣ ихъ спѣть будущей осенью. На лѣто я останусь въ городѣ съ отцомъ, который часто хвораетъ. Въ іюнь мѣсяцѣ я снова примусь за свою «Русалку», эту оперу, отрывки которой я тебѣ показывалъ, и которую я-было бросилъ, не надѣясь дать ее на сценѣ. Но лестное вниманіе, оказанное мнѣ въ настоящемъ году петербургскою публикою, какъ-будто обязываетъ меня произвести на старость лѣтъ созданіе національное. Я употреблю всё силы, чтобъ удовлетворить публику, но это очень трудно.

С.-Петербургъ, 5-го мая 1853 г. 1)

(Переводъ). Любезный Кастриотъ, я просмотрѣлъ и попросилъ твою бывшую ученицу Любовь (Ивановну) Бѣлилицыну спѣть твои новые романсы. Ты хочешь знать мое мнѣніе о нихъ, такъ я

1) Письмо это писано по-французски.

тебѣ скажу, что фактура ихъ хороша и безуворизненна, какъ большинство твоихъ произведеній, и въ Германіи не одинъ нѣмецъ вивнулъ бы одобрительно головою, услышавъ ихъ, и не одна сантиментальная нѣмочка (постарше 30-ти лѣтъ) нашла бы ихъ по своему вкусу. Въ отношеніи мелодическомъ, я нахожу, что послѣднія три пьесы уступаютъ многимъ твоимъ мелодіямъ, изданнымъ Битнеромъ. Впрочемъ, онѣ отличаются оригинальностью, которая, на мои глаза, всегда есть достоинство.

Я говорилъ съ тремя издателями на счетъ изданія твоихъ романсовъ. Битнеръ и Стелловскій, вѣчно жалующіеся на свою музыкальную торговлю, не смѣютъ и подумать 'о печатаніи чего-нибудь болѣе музыкальнаго какой-нибудь цыганской пѣсни, или романсика Гурилева или моего. Отвѣтъ Бернара, самого сѣлаго между ними, я при семъ прилагаю. Онъ принимаетъ только двѣ пьесы и въ вознагражденіе композитору предлагаетъ нѣсколько печатныхъ экземпляровъ. Не зная твоихъ собственныхъ намѣреній, я не объявилъ никакого рѣшенія. Съ прочими издателями, какъ незнакомыми мнѣ, я даже и не говорилъ; въ томъ же, это все бѣдный народъ, перебивающійся со дня на день.

Ты хочешь знать, любезный другъ, какъ мы тутъ живемъ? Какъ граждане—живемъ покойно, семейно и вдали отъ большого свѣта. Какъ художники — сестра моя сдѣлала большіе успѣхи на арфѣ и поджидаетъ новый инструментъ изъ Лондона: я—давалъ большой концертъ въ залѣ дворянскаго собранія. Публика приняла мои произведенія съ энтузіазмомъ, въ самомъ дѣлѣ превосходящимъ ихъ достоинство, а это подняло противъ меня всю синагогу (какъ говоритъ Глинка) и всѣхъ маленькихъ композиторовъ и журналистовъ. А чтобы пуще ихъ взбѣсить, я лѣтомъ примусь за дѣло и постараюсь сдѣлать что-нибудь въ самомъ дѣлѣ порядочное. Прощай, любезный другъ. Жду твоего отвѣта и рѣшенія. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ. 12-го декабря 1856 г.

Письмо твое отъ 23-го ноября, любезный другъ Кастріотъ, получилъ я только 9-го декабря; при немъ и посылку съ рукописями. Душевно благодарю тебя, какъ за память обо мнѣ, такъ и за пріятно-лестное посвященіе 6-ти новыхъ твоихъ романсовъ. Проигралъ и промурлыкалъ я все присланное тобою съ большимъ

интересомъ и удовольствіемъ. Такъ рѣдко встрѣчаешь русскую музыку, писанную чисто и музыкально. А живя почти въ одиночествѣ, мое величайшее наслажденіе проигрывать новую музыку вообще, а русскую въ особенности. Ты спрашиваешь моего мнѣнія о твоихъ романсахъ? Я не умѣю дѣлать строгихъ приговоровъ, какъ тѣ знатоки и критики, которые сами ничего не создаютъ и полагаютъ, что послѣ Бетговена никто уже ничего порядочнаго написать не можетъ. Я люблю искусство не для шума, а для себя, занимаюсь имъ въ одиночествѣ и признаюсь, что всякая, даже недурная, новая музыка доставляетъ мнѣ удовольствіе, тѣмъ болѣе такіе романсы, какъ твои, въ которыхъ есть мысли почти вездѣ, чувство очень часто, а правильность и чистота отдѣленія непрерывны. Ты не всегда счастливъ въ выборѣ словъ: забываешь, что самыя лучшіе стихи бывають часто хороши для чтенія, но неловко ложатся подъ музыку.

Квартетъ твой я Гензельту отослалъ. Разумѣется, сдѣлалъ нескромность—прочелъ его. Я уже вижу въ немъ размахъ опытнаго мастера: поздравляю тебя. Ежели желаешь знать мое поверхностное мнѣніе о квартетѣ—вотъ оно: *andante* прекрасно—*scherzo* изобилуетъ милыми эффектами. Первое *Allegro* хотя интересно, но недовольно разнообразно. Въ послѣднемъ финалѣ основа немного обыкновенна, слишкомъ мало ватѣйлива, но въ исполненіи эффектъ долженъ выдти довольно блестящій.

Романсы твои я передалъ Стелловскому и Бернару на разсмотрѣніе. Со временемъ напишу тебѣ, какая послѣдуетъ отъ нихъ резолюція. Но путнаго отъ нихъ не жду. Музыка вокальная, да и всякая, здѣсь въ совершенномъ упадкѣ. Издатели — и расхоровъ не выручаютъ; я, пишущій сіи строки, издаю «Русалку» свою самъ, на заемныя деньги, и буду очень доволенъ, ежели приплачу только половину издержекъ, т. е. руб. 700 сер.—вотъ тебѣ примѣръ утѣшительный. Лучше всего пріѣзжай сюда самъ. Прошлую зиму оживилъ меня и порадовалъ пріѣздомъ своимъ Монюшко, а нынче хвати-ка ты вмѣсто его. За симъ прощай. Даргомыжскій.

С.-Петербургъ, 2-го января 1857 г.

Получилъ я второе твое письмо, любезный другъ, Скандербекъ, и спѣшу дать тебѣ отвѣтъ на счетъ фортепяно. Въ депо иностранныхъ руаялей — цѣны непомярныя: 1,000 и 1,500 руб.

Брейткопфовъ, Штрейхеровъ и имъ подобныхъ, я, признаться, не люблю: жидаки. До сихъ поръ я въ Петербургѣ знаю только одни хорошіе руаяли — это Вирта; его заведеніе перешло вовсе не къ Шуберту, какъ ты пишешь, а къ Эшенбаху, его племяннику, и осталось совершенно въ томъ же видѣ и порядкѣ, какъ было и при Виртѣ. Я недавно купилъ у него два руаяля — одинъ другого лучше. Я полагаю, что за 600 руб. можно выторговать у него съ пересылкою. Выбрать руаяль я берусь: а еще лучше, ежели самъ прійдешь, тогда вмѣстѣ выберемъ — отличный.

Издатели наши, какъ истые жидаки, не берутся издать твои романы, даже — ежели ты половину издержекъ примешь на свой счетъ. Другого я отъ нихъ и не ожидалъ. Но одинъ молодой издатель дамскаго журнала, подъ названіемъ «Цвѣтокъ», готовъ взять ихъ въ видѣ приложений въ журналу; и вообще ежели ты разрѣшишь изданіе твоихъ двѣнадцати романсовъ, отдѣльно каждый (только, разумѣется, уже безъ эпитафиа г. Меча, и посвященія можно помѣстить только на одномъ романсѣ), тогда я найду возможность бѣльшую часть изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ размѣстить въ разныя періодическія изданія. Да, или нѣтъ?

На дняхъ слышалъ я «Жизнь за Царя». Мастерское, оригинальное произведеніе: столько красотъ, что промаховъ не хочется и замѣчать. Одно въ этой оперѣ не удовлетворяетъ: мало драматической правды. Послѣ-завтра буду слушать свою «Русалку». Жаль, что тебя нѣтъ, послушали бы вмѣстѣ. Даргомыжскій.

Сообщ. В. Г. Кастріото-Скандербергъ.